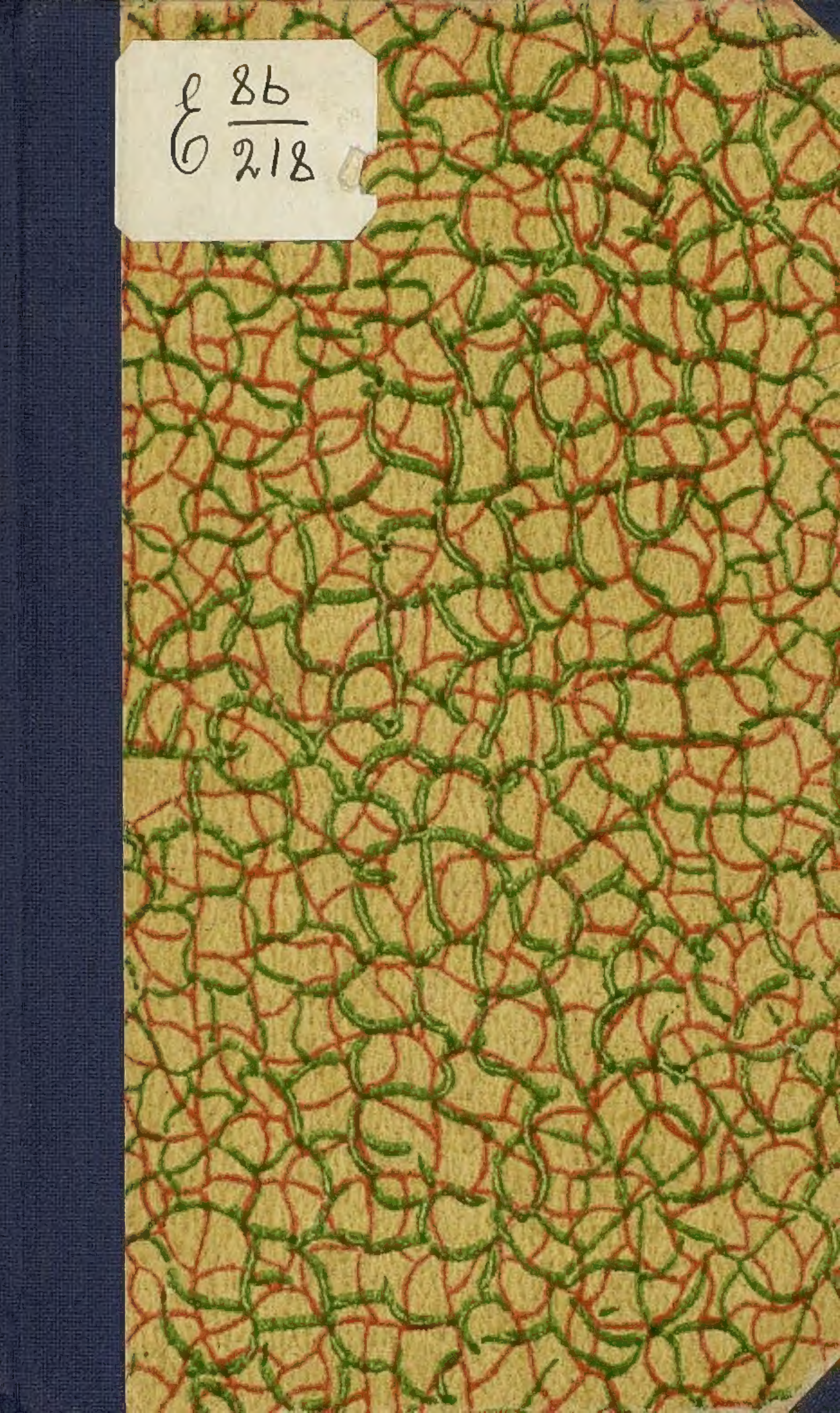

Г. КОСТОМАРОВЪ

КАКЪ ИСТОРИКЪ МАЛОРОССІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

МОСКВА.
Типографія Грачева и К°, у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.
1871.

Г. КОСТОМАРОВЪ

КАКЪ ИСТОРИКЪ МАЛОРОССІИ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К°, у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.

1871.

Дозволено цензурой. Москва, Апрѣля 9-го, 1871 г.

Какъ только появилось въ свѣтъ мое сочиненіе «Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся, за время: 8-е генваря 1654—30-е мая 1672 года», то въ нѣкоторыхъ газеткахъ какъ книга, такъ и авторъ ея были привѣтствованы сплошною бранью. Вслѣдствіе того, что въ газетныхъ отзывахъ, при полнѣйшемъ непониманіи дѣла, кромѣ брани ничего не имѣлось, я не считалъ себя обязаннымъ отвѣчать на нихъ. Въ настоящемъ году, въ первомъ № «Бесѣды» напечатанъ отвѣтъ г. Костомарова на нѣкоторыя мои замѣчанія, касающіяся какъ его сочиненій по исторіи Малороссіи, такъ и издающихся подъ его редакціею Актовъ Южной и Западной Россіи. Въ началѣ своего отвѣта г. Костомаровъ говоритъ, что когда его собственное убѣжденіе, въ интересахъ научной правды, заставитъ признать справедливость указываемыхъ критиками недостатковъ въ его сочиненіяхъ и изданіяхъ, то онъ всегда готовъ сознаться и воспользоваться ими при случаѣ. Послѣ этого, давши отвѣтъ на мои замѣчанія, онъ заканчиваетъ свои возраженія слѣдую-

ими словами: «приведенныя нами замѣчанія г. Карпова насчетъ нѣкоторыхъ мѣстъ моего сочиненія лишены достаточныхъ основаній и принадлежатъ къ разряду придирокъ».—По поводу этихъ словъ г. Костомарова, прежде всего считаю необходимымъ замѣтить: когда я писалъ свою книгу, то ничуть не имѣлъ въ виду въ чемъ либо убѣждать г. Костомарова; я писалъ съ тою цѣлію, чтобы не только говорить объ источникахъ, но также и уяснить характеръ цѣлаго направленія, существующаго въ нашей исторической литературѣ. Если одинъ изъ представителей этого направленія характеризуетъ мои замѣчанія словомъ «придирки», то таковы они или нѣтъ, предоставляю судить третьимъ лицамъ. Теперь же я отвѣчаю на отвѣтъ г. Костомарова во первыхъ потому, что отвѣтъ его повидимому относится къ сущности дѣла, во вторыхъ для того, чтобы и съ своей стороны, въ интересахъ защищаемаго мною дѣла, указать характеръ его отвѣта и опровергнуть нѣкоторыя новыя положенія объ исторіи Малороссіи, высказанныя имъ по поводу моей книги.

Если г. Костомарову угодно было отвѣчать мнѣ, то, казалось, слѣдовало бы отвѣчать на всѣ или покрайней мѣрѣ на главныя мои замѣчанія, относящіяся до его сочиненій и изданій, но никакъ не на выборъ. Г. Костомаровъ умалчиваетъ о многомъ; такое молчаніе можно было бы принять за знакъ согласія, т. е. что мои замѣчанія справедливы; но молчаніе г. Костомарова ничуть не имѣетъ такого свойства, потому что и въ тѣхъ отвѣтахъ на мою книгу, которые онъ даетъ, всѣ трудно опровергае-

мыя мои доказательства просто игнорируются. Единственно на что г. Костомаровъ высказываетъ одинаковый со мною взглядъ, это «Исторія Руссовъ»; онъ выражается такъ: «авторъ Исторіи Руссовъ» умышленный лжецъ, который для прикрытія своей лжи злоупотребляетъ архипастырскимъ словомъ ничуть непричастнаго Георгія Конисскаго.»

Нѣкоторые мои вопросы, прямо касающіеся сочиненій и изданій г. Костомарова и обойденные въ его отвѣтѣ молчаніемъ, полагаю возможнымъ еще разъ повторить, предполагая, что они интересуютъ добросовѣстно занимающихся русской исторіей.

1-е. Основнымъ источникомъ для «Богдана Хмельницкаго» служитъ какая-то рукописная лѣтопись «Исторія о презѣльной брани». Я сличеніемъ выписокъ изъ нея въ «Богданѣ Хмельницкомъ» съ напечатанными малороссійскими лѣтописями пришелъ къ убѣжденію, что она одно и тоже съ весьма недостовѣрной лѣтописью Грабянки. У г. Костомарова оба эти источника выставляются какъ различные. — Если несправедливъ мой выводъ, то не мѣшало бы г. Костомарову объявить о важномъ совершенномъ имъ открытіи новой лѣтописи.

2-е. Интересно было бы знать, почему г. Костомаровъ озаглавливаетъ, въ Актахъ Южной и Западной Россіи, Дѣла посольскаго и разряднаго приказовъ «Дѣлами малороссійскаго приказа», даже за то время, когда такого приказа и не существовало.

3-е. Я въ своей книгѣ замѣтилъ, что документы слѣдуетъ издавать въ ихъ естественной связи между собою, а не сортировать ихъ по такъ называемому хронологическому порядку, который принятъ

при изданіи Актовъ Южной и Западной Россіи. По моему мнѣнію такой хронологической порядокъ только путаетъ документы и уничтожаетъ всякую ихъ хронологію. — Справедливо ли это мое замѣчаніе?

4-е. Я также замѣтилъ, что въ Актахъ пропущено множество документовъ первой важности и особенно важенъ пропускъ, сдѣланный безъ всякой оговорки, малороссійскихъ Дѣлъ (архива министерства иностранныхъ Дѣлъ), относящихся къ 1654 и 1655 годамъ. Этотъ пропускъ я позволилъ себѣ назвать «умышленнымъ».—Имѣлъ ли я право такъ говорить?

На всѣ подобные вопросы г. Костомаровъ не считаетъ нужнымъ отвѣчать и только относительно пропусковъ въ Актахъ онъ даетъ слѣдующій общій отвѣтъ: «Коммисія (археографическая) вообще не можетъ быть обвиняема за то, что не издала того или другаго. Она постоянно занята изданіемъ матеріаловъ, и ей всегда слѣдуетъ издавать то, что въ данное время легче достается въ ея распоряженіе; если бы для полноты изданія она стала выжидать прилива новыхъ матеріаловъ, то ей пришлось бы не издавать ничего въ продолженіи многихъ лѣтъ». Это объясненіе г. Костомаровъ заканчиваетъ похвалою себѣ, говоря, что при тѣхъ денежныхъ средствахъ, которые Коммисія можетъ употреблять на изданіе Актовъ Южной и Западной Россіи, издавать ихъ скорѣе и полнѣе того, какъ онъ издаетъ, невозможно; а вотъ если бы «какой нибудь богатый и тароватый любитель археологіи пожертвовалъ сумму на изданіе этихъ актовъ», то г. Костомаровъ обязуется издавать вдвое скорѣе.—На всѣ эти объяс-

ненія приходится отвѣчать очень просто. Напрасно г. Костомаровъ вполнѣ сливаетъ свою дѣятельность съ дѣятельностью цѣлаго учрежденія. Главную отвѣтственность за внутреннее достоинство всего изданнаго Коммисіею прежде всего несетъ на себѣ редакторъ изданія. Г. Костомаровъ хвалитъ себя за то, что не задерживаетъ изданіе Актовъ и томъ за томомъ акуратно выходитъ въ двухгодичный срокъ. Дѣйствительно всякій можетъ удивляться, что редакторъ Актовъ Южной и Западной Россіи, при своихъ многихъ постороннихъ занятіяхъ, быстро высыпаетъ изъ Коммисіи тома своего изданія. Но эта быстрота изданія всего лучше объясняется достоинствомъ изданнаго, которое самъ г. Костомаровъ рекомендуетъ цѣнить не по качеству, а по количеству напечатаннаго. Хорошее изданіе документовъ есть настоящее солидное изслѣдованіе, а г. Костомаровъ, какъ видно, понимаетъ его просто дѣломъ типографіи, перепечатывающей писанное. Что касается полноты изданнаго въ Актахъ, то г. Костомаровъ объясняетъ и это дѣло такъ же просто: я-де издаю то, что мнѣ случайно попадетъ подъ руку.

Г. Костомаровъ еще даетъ объясненіе, отчего иногда происходитъ встрѣчаемая въ изданныхъ имъ Актахъ неполнота: есть какія-то причины, по которымъ для Коммисіи бываетъ иногда затруднительно получать въ свое распоряженіе тотъ или другой архивный матеріалъ; или не сочтено бываетъ удобнымъ удѣлять ему, г. Костомарову, для пользованія нѣкоторыхъ документовъ. — Переводить на обыкновенный языкъ эти странныя слова я не берусь. Всѣмъ

хорошо извѣстно, что археографическая Коммисія можетъ не только просить, но даже при случаѣ требовать высылки къ себѣ нужныхъ ей для изданія документовъ. Наши государственные архивы и не для чиновниковъ доступны.

«По видимому ближе къ справедливости упрекъ г. Карпова, дѣлаемый мнѣ (говоритъ г. Костомаровъ) по редакціи Актовъ Южной и Западной Россіи: зачѣмъ при изданіи актовъ министерства иностранныхъ Дѣлъ, относящихся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, не изданы соотвѣтствующіе акты архива министерства юстиціи. Я самъ жалѣю, что они не были изданы. Но на это были причины, зависящія не отъ меня.» — Не изданы эти акты вовремя потому, что они тогда археографической Коммисіи вообще, а г. Костомарову въ частности были неизвѣстны, а не потому, какъ объясняетъ г. Костомаровъ, что тогда «Коммисія встрѣчала затрудненія въ пріобрѣтеніи ихъ въ свое распоряженіе для напечатанія.» Но помимо этого, можетъ быть, невиннаго пропуска, въ моей книгѣ указанъ другой болѣе важный: почему въ III томѣ Актовъ не напечатаны документы, относящіеся къ исторіи Малороссіи за 1654 и 1655 года; вѣдь большинство этихъ актовъ находится не въ архивѣ юстиціи, а въ архивѣ министерства иностранныхъ Дѣлъ, Дѣла котораго и вошли въ составъ III тома Актовъ. Эти пропущенные документы составляютъ часть того, что изъ нихъ взято гг. Костомаровымъ и Кулишемъ для изданія; ими пользовался еще Бантышъ-Каменскій; такъ какія же цензорскія соображенія руководили редакторовъ при дѣланіи подобныхъ пропусковъ въ изданіи, по-

священномъ исторіи Малороссіи? Это и послѣ отвѣта г. Костомарова остается все-таки тайною. Г. Костомаровъ говоритъ, что Дѣла архива юстиціи, относящіяся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, издадутся въ будущемъ времени, какъ дополненіе къ Актамъ; но при этомъ интересно было бы знать, какая судьба постигнетъ пропущенныя при изданіи Дѣла архива министерства иностранныхъ Дѣлъ, относящіяся къ той же эпохѣ? Полагаю, что эти послѣднія важнѣе Дѣлъ архива юстиціи уже и потому, что по нимъ, какъ по подлиннымъ документамъ, можно составить правильное понятіе о Статьяхъ Богдана Хмельницкаго и вообще о «правахъ Малороссіи».

Теперь я буду отвѣчать только на тѣ возраженія г. Костомарова, которыя онъ нашелъ удобнымъ прямо сдѣлать на нѣкоторыя мои замѣчанія. Первое изъ нихъ относится къ тому, что противорѣчіе письма Выговскаго къ Зюзину съ лѣтописью Самовидца о днѣ смерти Богдана Хмельницкаго (Выговскій опредѣляетъ день смерти 27-го іюля, а Самовидецъ 15-го августа) остается для г. Костомарова, и послѣ моихъ объясненій, вопросомъ трудно разрѣшимымъ. Конечно если сличать только письмо Выговскаго съ лѣтописью Самовидца, то при сильныхъ натяжкахъ еще можно какъ нибудь придти къ сомнѣнію въ достовѣрности сообщаемаго Выговскимъ. Но я въ своей книгѣ доказывалъ достовѣрность извѣстія послѣдняго не однимъ сравненіемъ съ лѣтописью; тамъ

рядомъ съ этимъ, на страницѣ 14-й, приведены разнообразные и уже напечатанные оффиціальные документы (одинъ изъ нихъ изданъ самимъ же г. Костомаровымъ), говорящіе, что Богданъ Хмельницкій скончался гораздо ранѣе 15-го августа *). Г. Костомаровъ въ своемъ отвѣтѣ объ этихъ моихъ доказательствахъ молчитъ и поэтому понятно всѣмъ, что при подобномъ его способѣ изслѣдованія и возраженія на чужія мнѣнія, всякій вопросъ, какой только онъ захочетъ, будетъ оставаться трудно разрѣшимымъ.

Г. Костомаровъ для подтвержденія авторитета лѣтописи Самовидца ссылается на то, что подобное извѣ-

---

*) Вотъ они: въ отпискѣ къ Государю Кіевскаго воеводы Ан. Вас. Бутурлина (въ Ак. Юж. и Зап. Рос. т. 4, № 7-й) говорится: „да августа въ 4-й день былъ у меня.... епископъ Лазарь (Барановичь) и сказывалъ: писалъ - де къ нему изъ Чигирина писарь Иванъ Выговскій, чтобъ ему епископу выбирать Митрополита межъ себя кого излюбятъ, а имъ-де нынѣ по смерти гетманской до того дѣла нѣтъ." — Въ Симбирскомъ Сборникѣ, изданномъ въ 1845 году, въ Кикинскихъ бумагахъ (стр. 11) говорится: „165 года (1657-го) 11 августа Василій Петровичъ Кикинъ посланъ (изъ Москвы) былъ въ Войско Запорожское говорить, что непріятели Крымской ханъ слыша про смерть Гетмана Богдана Хмельницкаго"... и т. д. — Кромѣ этихъ двухъ документовъ мною было приведено еще мѣсто изъ XI тома „Исторіи Россіи" г. Соловьева, гдѣ находится выписка изъ письма Выговскаго (отца) къ полковнику Павлу Тетерѣ. Это письмо было получено въ Москвѣ 14-го августа 1657 года и въ немъ прямо сказано, что Гетманъ скончался „27-го іюля, во вторникъ, въ пятомъ часу дня,"

стіе о днѣ смерти Богдана Хмельницкаго «повторяется и другими болѣе поздними лѣтописцами, очевидно, не взявшими такого извѣстія» отъ Самовидца. — Эта ссылка на позднихъ лѣтописцевъ не совсѣмъ вѣрна: только въ одной лѣтописи Грабянки (а вѣроятно и въ двойникѣ ея «Исторіи о презѣльной брани») говорится подобное. Но объ этомъ извѣстіи Грабянки я уже замѣтилъ въ своей книгѣ, на страницѣ 104, что въ ней условное обозначеніе Самовидцемъ дня смерти гетманской «о Успеніи» превратилось въ утвердительное: «въ полуденное время, въ самый день успенія Божія Матери». Въ лѣтописи Величка, болѣе достовѣрной чѣмъ Грабянки, такого извѣстія совсѣмъ не имѣется; въ ней не обозначается день смерти Богдана Хмельницкаго, а говорится (т. 1, стр. 288), тоже безъ обозначенія числа какъ и во всѣхъ лѣтописяхъ, что Гетманъ погребенъ «по успеніи пресвятыя Богородицы»,— и это совершенно вѣрно.—Что касается мнѣнія г. Костомарова, будто «очевидно», что извѣстіе Грабянки о днѣ смерти Богдана Хмельницкаго взято не отъ Самовидца, то хорошо бы онъ сдѣлалъ, если бы указалъ всѣмъ, почему это ему «очевидно».—Г. Костомаровъ еще говоритъ, что указанное имъ извѣстіе болѣе позднихъ лѣтописцевъ (т. е. одного Грабянки) «заставляетъ предполагать, что и вообще въ преданіи потомства сохранялась память о кончинѣ Хмельницкаго въ день Успенія, 15-го августа». — Намъ же кажется, что если необходимо отыскивать на основаніи предположеній, по совокупности извѣстій всѣхъ лѣтописей (а также конечно и Величка), точное обозначеніе указываемаго событія,

въ черезъ чуръ мутномъ источникѣ, называемомъ преданіемъ потомства, то слѣдуетъ его обозначить такъ: преданіе потомства относило время кончины Богдана Хмельницкаго къ августу мѣсяцу и привыкши между прочимъ вести свою хронологію и по праздникамъ, пріурочило это событіе къ самому видному въ августѣ празднику, ко дню успенія пресвятыя Богородицы.

Г. Костомарова поражаетъ то, какъ произошло такое противорѣчіе малороссійскихъ лѣтописцевъ съ офиціальными документами. Онъ говоритъ: «странно, отчего Самовидецъ, показавши правильно день погребенія Хмельницкаго, ошибся во днѣ его кончины. Я никакъ не отрицалъ и не отрицаю возможности того, что Хмельницкій скончался 27 іюля, но почему о бокъ этого извѣстія о смерти его существуетъ еще и другое — о томъ, будто онъ умеръ 15 августа».—На это я долженъ дать слѣдующій отвѣтъ. Естественнѣе сомнѣваться въ извѣстіяхъ и датахъ самаго достовѣрнѣйшаго лѣтописца, — особенно если замѣтна въ нихъ нѣкотораго рода условность, — чѣмъ въ противорѣчащемъ ему офиціальномъ документѣ. Если же и признать, что у Самовидца, а за нимъ и у Грабянки, неправильное обозначеніе дня смерти Богдана Хмельницкаго произошло не отъ ошибки, а по какимъ либо другимъ причинамъ, то эти причины отчасти уже указаны въ моей книгѣ: «къ Успеньеву дню конечно во всей Украйнѣ знали о смерти Гетмана.» Для точнаго разъясненія этихъ, прежде сказанныхъ мною, словъ я теперь прибавлю еще слѣдующее:

Богданъ Хмельницкій послѣ совершенія своего главнаго подвига,—освобожденія народа отъ Польши,—совсѣмъ не былъ такъ популяренъ, какъ кажется нѣкоторымъ. Въ послѣднее время своей жизни онъ очень мало думалъ о народѣ, а заботился только, и съ большимъ успѣхомъ, о накопленіи денегъ и весьма неудачно о династическихъ интересахъ. При извѣстіи о его смерти въ Малороссіи большинство къ такому событію, которое по позднѣйшимъ представленіямъ «потрясло всю Украину», въ дѣйствительности отнеслось очень равнодушно. На страницѣ 16 своей книги я указалъ еще отчасти то, почему только къ Успеньеву дню по всей Малороссіи могли узнать о смерти гетманской. Тамъ въ выпискѣ изъ офиціальнаго документа, изданнаго самимъ же г. Костомаровымъ, высказанъ намекъ на то, что начальные люди Войска Запорожскаго, какъ видно, старались скрывать смерть Гетмана. Въ событіи смерти Богдана Хмельницкаго были болѣе всѣхъ заинтересованы, изъ личныхъ видовъ, Выговскій и вся Старшина; они были не прочь воспользоваться случаемъ, чтобы обдѣлать свои дѣла. Поэтому-то они старались если несовершенно держать до времени въ тайнѣ смерть Гетмана, то во всякомъ случаѣ не поднимали по этому поводу крика и не заботились о распространеніи извѣстія о такомъ событіи. Такъ какъ только отъ нихъ, какъ отъ окружавшихъ, можно было узнать, что Гетманъ скончался, то при ихъ молчаніи и при всеобщемъ равнодушіи, дѣйствительно по Украйнѣ могла распространиться вѣсть о смерти Гетмана только къ тому времени, когда Старшина того захотѣла и когда не-

обходимо было наконецъ погребать покойника. Если Выговскій и лгалъ, говоря въ сентябрѣ Матвѣеву, что Старшина не дозволяли ему извѣстить о смерти Гетмана даже Государя, то мы кромѣ этихъ словъ имѣемъ еще и другіе документы, говорящіе о томъ, что дѣйствительно творилось въ Чигиринѣ предъ погребеніемъ Богдана Хмельницкаго. Старшина и во главѣ ихъ Выговскій втихомолку интригуютъ между собою; правительство, и прежде не вмѣшивавшееся ни во что, что дѣлалось внутри Малороссіи, и при этомъ случаѣ поступало по своему обыкновенію. Въ Москвѣ при полученіи извѣстія о смерти Богдана Хмельницкаго начали составлять различные проэкты, какъ слѣдуетъ дѣйствовать, но въ тоже время ни на что не рѣшались: отсутствіе энергіи въ проведеніи той или другой мысли, пока къ тому не принуждали тяжелыя обстоятельства, какъ извѣстно, есть отличительное свойство правительства царя Алексѣя Михайловича. Старшина интриговала; отъ правительства былъ присланъ въ Чигиринъ Кикинъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается; Тетеря, бывшій въ это время въ Москвѣ и хорошо разузнавшій, какіе проэкты возникаютъ въ головахъ государственныхъ людей на счетъ Малороссіи, былъ отпущенъ домой ни съ чѣмъ; наконецъ казаки, которыхъ въ моментъ смерти Гетмана было немного въ Чигиринѣ, слушали во всемъ Старшину и мало думали о томъ, что можетъ послѣдовать по смерти Батьки. Вотъ картина состоянія дѣлъ въ Малороссіи въ первой половинѣ августа 1657 года. Вслѣдствіе всего этого нѣтъ причины удивляться, что то или другое событіе совершалось не такъ, какъ оно,

безъ знанія подробностей, можетъ намъ представляться. Также нечего удивляться и тому, что лѣтописецъ, «свидѣтель и участникъ (впрочемъ далеко не важный) эпохи Хмельницкаго», занесъ въ свое сказаніе только то, что ему дѣйствительно было извѣстно, т. е. что Гетманъ скончался «о успеніи пресвятыя Богородицы, а похоренен былъ (похороны совершались довольно торжественно) предъ святымъ Семіономъ въ недѣлю».

Факты, давшіе мнѣ возможность сказать все вышеприведенное, г. Костомаровъ и всякій желающій можетъ отыскать, кромѣ напечатанныхъ документовъ, еще въ малороссійскихъ Дѣлахъ архива министерства юстиціи. Я въ доказательство того, что говорю, представляю достовѣрные источники, а не какія-то фантазіи.

Второе мое замѣчаніе, на которое отвѣчаетъ г. Костомаровъ, состоитъ въ указаніи, что онъ неправильно изложилъ въ «Богданѣ Хмельницкомъ» событія Переяславской Рады, 1654 года. Г. Костомаровъ въ разсказъ о Радѣ, по статейному списку Бутурлина, вставляетъ извѣстія изъ лѣтописи Величка о томъ, что на Радѣ читались условія, на которыхъ Малороссія соединялась съ Великою Россіею, и что бояре дали за Царя клятвенное обѣщаніе держать Войско Запорожское по его правамъ и вольностямъ. По поводу этихъ извѣстій лѣтописи Величка (эту лѣтопись и г. Костомаровъ считаетъ источникомъ не всегда достовѣрнымъ) я замѣтилъ,

что Бутурлинъ въ своемъ статейномъ спискѣ не только не упоминаетъ, но и не даетъ ни малѣйшаго намека, чтобы на Радѣ читались какія либо условія подданства; что же касается клятвеннаго обѣщанія бояръ за Царя, то прямо говоритъ противуположное: Гетманъ требовалъ отъ бояръ присяги за Царя, а они на это дали положительный отказъ; за этотъ поступокъ бояръ была сказана имъ въ послѣдствіи похвала отъ Государя. Офиціальный документъ объ этой похвалѣ, подтверждая, что факта присяги дѣйствительно никогда не существовало, кажется, всего лучше доказываетъ, что лѣтописное извѣстіе не имѣетъ ни малѣйшей достовѣрности. По этому поводу я и считалъ себя въ правѣ упрекнуть г. Костомарова въ томъ, что онъ въ своемъ «Богданѣ Хмельницкомъ», разсказывая о присягѣ бояръ, пропустилъ этотъ важный документъ. На это г. Костомаровъ отвѣчаетъ такъ: «я пропустилъ его, потому что онъ для меня былъ вовсе не нуженъ... онъ по моему взгляду не имѣетъ даже второстепеннаго отношенія къ народному украинскому дѣлу и подобные документы только бы загромождали мое повѣствованіе.»—Тутъ вопросъ совсѣмъ не въ загроможденіи повѣствованія, посредствомъ «скучиванія всякой всячины» (слова г. Костомарова), а въ истинѣ. Документъ говоритъ, что украинское народное дѣло стояло совсѣмъ иначе, чѣмъ хотѣлось бы нѣкоторымъ его представить по своимъ личнымъ взглядамъ. Только этимъ личнымъ взглядомъ, по собственному сознанію г. Костомарова, мы и можемъ объяснить, почему нѣкоторымъ неопровержимымъ документамъ не придается даже и второстепеннаго зна-

ченія. Но объ этомъ ниже, а теперь обратимся къ опроверженію положеній г. Костомарова о томъ, что на Радѣ будто бы читались условія подданства.

Г. Костомаровъ говоритъ, что на основаніи здраваго смысла, который долженъ служить могущественнымъ органомъ историческихъ доводовъ, «если бы до насъ не дошло никакого извѣстія о томъ, что на Переяславской Радѣ читались условія подданства, то я и тогда былъ бы убѣжденъ, что они тамъ читались». — Я же полагаю, именно на основаніи здраваго смысла, что кто не имѣетъ ясныхъ неопровержимыхъ доказательствъ дѣйствительности того или другаго событія, тотъ можетъ что угодно предполагать, но положительно утверждать не имѣетъ ни малѣйшаго права. — Какъ на единственное документальное доказательство своего твердаго убѣжденія въ томъ, что на Радѣ читались условія подданства, г. Костомаровъ указываетъ на общія, ничего не опредѣляющія, и если захотѣть (при помощи всяческаго терзанія) могущія толковаться въ какую угодно сторону, фразы лѣтописи Самовидца. Все же остальное, чѣмъ онъ хочетъ подтверждать свое положеніе, принадлежитъ къ разряду предположеній и наведеній. Г. Костомаровъ говоритъ: «сказаніе Величка подтверждается необходимостію разсказываемаго событія.... какъ же могло быть иначе, когда дѣло шло о подчиненіи народа новой власти, о коренной перемѣнѣ въ судьбѣ такого общества, которое и съ поляками-то воевало именно въ виду тѣхъ нарушеній, какія поляки дѣлали его правамъ и вольностямъ, такого общества, гдѣ важныя дѣла рѣшались народнымъ собраніемъ,

гдѣ самъ выбранный глава не разъ заявлялъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать безъ воли Рады».

На эти общія положенія я позволяю себѣ отвѣчать нѣсколько подробнымъ объясненіемъ малороссійскихъ правъ и характера Переяславской Рады, 1654 года. Вся Малороссія, народъ и казаки, воевала съ Польшею, но только, какъ всѣмъ извѣстно, не изъ-за правъ, а для защиты гонимой вѣры своихъ отцовъ (это г. Костомарову не слѣдовало бы забывать). Условія, на которыхъ Малороссія соглашалась подчиниться Польшѣ, были обыкновенно двоякія — всенародныя и казацкія. Всенародное требованіе было только одно, которое и стояло всюду на первомъ планѣ, — это свобода православія. Такое условіе Польша всего менѣе могла исполнить,— и Малороссія отложилась отъ нея. Переяславская Рада, 1654 года, имѣла очень мало общаго со всѣми предшествующими и послѣдующими за ней Радами; она была дѣломъ не однихъ казаковъ, но всего народа. Нужно ли было малороссійскому народу на этой Радѣ читать какія либо права и предлагать какія либо условія Великой Россіи? Малороссія могла только одного желать, чтобы ея не выдавали Польшѣ. Но это само собою разумѣлось изъ рѣшенія Великой присоединить къ себѣ Малую. Да и большая разница Польша и Россія: отъ Польши отбивались, а къ Россіи христа-ради просились въ подданство. Великая Россія, тоже всенароднымъ собраніемъ, на послѣднемъ своемъ земскомъ соборѣ, созванномъ именно для этой цѣли, согласилась, и только въ интересахъ православія, присоединить Малороссію.

Масса малороссійскаго народа всего менѣе думала о какихъ либо правахъ: возстала она противъ Польши и рѣшилась соединиться съ казаками для защиты своей вѣры. Съ момента соединенія Малороссіи съ Великой Россіей вопросъ о православіи отошелъ на послѣдній планъ, а весь народъ тотчасъ же попалъ въ свое прежнее положеніе, въ положеніе крѣпостнаго. Гоненіе на православіе уже не повторялось, а остальное все осталось по прежнему. Вмѣсто католика дворянина сталъ бариномъ православный, свой братъ мужикъ, среди смуты случайно вынесенный на верхъ.

Казаковъ дѣйствительно интересовали кой-какія права; къ общей борьбѣ за вѣру они постоянно приплутывали и свою борьбу за нихъ. Объ этихъ правахъ, въ тотъ же день Переяславской Рады, Богданъ Хмельницкій заговорилъ съ боярами. Требуя отъ бояръ присяги за Царя въ томъ, что Государь будетъ ихъ держать по прежнимъ правамъ и вольностямъ, онъ ссылался на казаковъ. Читать эти права на всенародной Радѣ, полагаю, было не совсѣмъ удобно, такъ какъ эти права, интересныя для казаковъ и отчасти для городовъ, не могли быть драгоцѣнными для всего народа. Если при договорахъ казаковъ съ Польшею обѣ договаривающіяся стороны считали необходимымъ, въ своихъ интересахъ, прочтеніе договорныхъ условій, то когда между казаками и московскимъ правительствомъ возникли такія же отношенія, какія у нихъ были прежде къ Польшѣ, — именно со времени измѣнической дѣятельности Выговскаго, — московское правительство тоже начало считать необходи-

мымъ прочтеніе на Радахъ, избиравшихъ гетмановъ, Статей Богдана Хмельницкаго и различныхъ къ нимъ дополненій. Читались эти Статьи во избѣжаніе своеволія казаковъ и для разъясненія имъ не столько ихъ правъ, сколько обязанностей. На всѣ эти Рады собирались только одни казаки и изрѣдка представители городовъ. Когда же собралась Переяславская Рада, 1654 года, то въ это время у Малороссіи вообще и у казаковъ въ частности совсѣмъ не было такихъ отношеній къ Россіи, какія могли возникнуть у нихъ въ послѣдствіи или какія были къ Польшѣ. На Переяславскую Раду могли сойтись не одни казаки и горожане, а представители всего народа, такъ какъ только въ моментъ этой Рады весь малороссійскій народъ былъ свободнымъ народомъ. Собрался этотъ «въ тотъ часъ» раскрѣпощенный народъ ставить не договоры, а рѣшать свою судьбу, рѣшать такое дѣло, котораго ему, въ полномъ его составѣ, не приходилось никогда рѣшать, ни прежде ни послѣ. При рѣшеніи подобнаго важнаго вопроса даже упоминаніе о такомъ постороннемъ къ нему дѣлѣ, какъ права казаковъ и городовъ, было совсѣмъ не у мѣста. Поэтому-то Богданъ Хмѣльницкій, вождь не только всенародный, но также и казацкій, заговорилъ о нихъ съ боярами отдѣльно, послѣ Рады.

Но прежде всего посмотримъ, въ чемъ состояла сущность этихъ казацкихъ правъ. При польской власти казаки желали: во первыхъ, быть въ большемъ количествѣ (чтобъ имѣть возможность безнаказанно добывать зипуны) чѣмъ опредѣляло правительство, во вторыхъ — получать жалованье изъ ко-

ролевской казны. При борьбѣ съ Польшей у казаковъ вопросъ о зипунахъ стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ. Когда Малороссія соединилась съ Россіею, то всѣмъ было ясно, что казацкія притязанія или права будутъ вполнѣ удовлетворены. Даже необходимость заставляла, чтобы количество казаковъ было не только въ 12 или 20 или въ 40 тысячъ, но даже въ 60 и болѣе, сколько возможно. Что же касается зипуновъ, то тѣ, которые не добыли ихъ въ предшествующее время или добытое считали недостаточнымъ, могли въ войнѣ съ Польшею продолжать свой промыселъ. Самымъ красивымъ зипуномъ для казаковъ казались маетности ихъ бывшихъ господъ. Въ день Переяславской Рады оказалось, что этимъ зипуномъ можно завладѣть; а въ послѣдствіи Великій Государь, за службу казаковъ, давалъ на захваченныя ими маетности какія угодно жалованныя грамоты, со всякими вислыми и не вислыми печатями. Въ виду такихъ великихъ льготъ казаки даже ничего не говорили о жалованьѣ изъ государевой казны, хотя Богданъ Хмельницкій съ товарищи и выставляли этотъ вопросъ какъ важный для казаковъ. Впрочемъ въ Москвѣ этотъ вопросъ былъ сразу стушеванъ объявленіемъ, что казаки за службу могутъ получать желаемое жалованье изъ доходовъ съ малороссійскихъ городовъ; Государь же, когда вздумаетъ, будетъ присылать къ нимъ подарки.

Если малороссійскій народъ и казаковъ такъ интерессовали права, что они изъ-за нихъ воевали съ Польшею и эти права читались на Переяславской Радѣ, то Богданъ Хмельницкій, открывая Раду, въ

рѣчи къ народу долженъ былъ бы упомянуть о нарушеніи поляками правъ; а мы знаемъ, что онъ говорилъ только о гоненіи на христіанъ отъ пановъ, хотѣвшихъ искоренить въ русской землѣ церковь Божію. Но положимъ, что г. Костомаровъ правъ, что на Радѣ не могли не читать условій подданства, но согласившись съ нимъ, мы попадемъ въ очень странное положеніе: народъ дорожитъ правами, утвержденіе этихъ правъ со стороны Государя послѣдовало только черезъ два мѣсяца послѣ Рады; естественно было бы народу потребовать отъ Гетмана объясненія, утвердилъ ли Государь эти права, и если утвердилъ, то что утвердилъ. Да и самъ Богданъ Хмельницкій, часто любившій ссылаться, когда это было для него выгодно, на то, «что онъ ничего не можетъ сдѣлать безъ воли Рады», поспѣшилъ бы, въ виду такихъ обстоятельствъ, собрать ее. Г. Костомаровъ говоритъ, что въ малороссійскомъ обществѣ «важныя дѣла рѣшались народнымъ собраніемъ», но въ дѣйствительности вѣроятно было не такъ. Гетманъ многое важное могъ дѣлать безъ воли Рады. Послѣ Переяславской Рады Богданъ Хмельницкій не объявлялъ Статей народу и вообще до самой его смерти Рады не собирались; а въ теченіи этихъ трехъ съ половиною лѣтъ, кромѣ дѣла о Статьяхъ, мало ли было очень и очень важныхъ дѣлъ!

Здѣсь можетъ однако возникнуть вопросъ: что же такое Мартовскія Статьи? Эти Статьи составлены въ интересахъ нѣкоторыхъ слоевъ малороссійскаго общества. По челобитной Богдана Хмельницкаго они утверждены Государемъ. Но Гетманъ считалъ

эти Статьи своимъ личнымъ дѣломъ; до самой его смерти о нихъ знали только нѣсколько близкихъ къ нему лицъ. Вся Старшина узнали о существованіи ихъ лишь тогда, когда Выговскій, вскорѣ послѣ смерти Богдана, нашелъ необходимымъ, тоже въ своихъ личныхъ интересахъ, прочитать имъ эти Статьи. Появленіе на свѣтъ и странная исторія этого документа отчасти уже изложена въ моей книгѣ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ по поводу разъясненія г. Костомаровымъ извѣстія лѣтописи Величка о клятвенномъ обѣщаніи бояръ за Царя. Г. Костомаровъ, утверждая вѣрность предъидущаго извѣстія Величка, соглашается оставить это послѣднее подъ сомнѣніемъ, однакожь говоритъ: бояре, не давая формальной клятвы, могли между словъ побожиться: вѣдь русскій человѣкъ отъ божбы рѣдко остерегается! Малороссіяне же, всячески дорожившіе своими правами, могли, услышавши эту божбу, преувеличить ее въ своемъ воображеніи въ настоящую присягу.—Противъ подобныхъ странныхъ натяжекъ и предположеній, основанныхъ на словахъ въ родѣ «допускаю», «можетъ быть», «если бы» и т. п, возражать положительно невозможно.

Другая мысль, которую высказываетъ г. Костомаровъ, по поводу этого и для него сомнительнаго извѣстія, слѣдующая: «фактъ, находимый въ источникахъ, можетъ быть важенъ не только въ смыслѣ дѣйствительно совершившагося въ свое время событія, но и въ смыслѣ усвоеннаго вѣрою современниковъ вымысла, перешедшаго и въ преданіе потомства. Если бы какой нибудь фактъ никогда не совершался, да существовала бы вѣра и убѣжденіе въ томъ,

что онъ происходилъ,—онъ для меня остается такъ же важнымъ историческимъ фактомъ», подобные вымыслы могутъ имѣть вліяніе на нравы, бытъ и понятія народа. — Вполнѣ согласенъ съ г. Костомаровымъ, что народное убѣжденіе въ томъ, что то или другое событіе когда-то совершилось, хотя его и не бывало въ дѣйствительности, важно для историка; но оно важно только для характеристики того времени, когда такое убѣжденіе явилось, а не того, къ которому его относитъ народная вѣра; историкъ же прежде всего обязанъ указать, какъ дѣйствительно произошло событіе. Относительно всѣхъ сомнительныхъ извѣстій лѣтописи Величка о Переяславской Радѣ нужно замѣтить, что нѣтъ никакой возможности доказать, будто современники этой Рады разсказывали о ней именно такъ, какъ говорится у Величка. Что же касается того, будто современники самого Величка думали объ этой Радѣ такъ, какъ онъ ее описалъ, то и здѣсь мы имѣемъ очень мало права считать эту лѣтопись такъ сказать зеркаломъ народныхъ убѣжденій, существовавшихъ въ эпоху ея составленія. Если же мы согласимся съ тѣмъ, что только мнѣнія извѣстной части малороссійскаго общества, современнаго Величку, отразились въ его сочиненіи, то историкъ XIX вѣка, заносящій въ свой трудъ такое интересное, но фальшивое извѣстіе, долженъ прежде всего указать и причины, почему въ первой четверти XVIII вѣка (время составленія лѣтописи Величка) могли такъ разсказывать и думать о событіяхъ Переяславской Рады. Въ это время дѣйствительно могли такъ думать, а причина тому была та, что въ теченіе шестидесяти

лѣтъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго въ Малороссіи работали Выговскій, Тетеря, Дорошенко и Мазепа. Эти господа, не только по поводу «правъ Малороссіи», но и вообще, такъ постарались перевернуть головы малороссійской интеллигенціи, что она долго не могла очиститься отъ посѣянныхъ ими сѣмянъ.

Третья мысль г. Костомарова, по поводу того же извѣстія Величка о присягѣ бояръ, такова: «извѣстіе, приводимое Величкомъ, представляетъ для историка важность въ виду того желанія оставаться подъ московскою державою не иначе, какъ съ сохраніемъ своенародныхъ правъ, которое оказывала Малороссія со временъ Богдана Хмельницкаго до тѣхъ поръ, пока теченіе жизни, подъ давленіемъ слiянія съ Великою Русью, не заглушило въ ней порывовъ мѣстнаго національнаго духа».—Эта мысль есть развитіе предъидущей и я буду на нее отвѣчать соотвѣтственно предшествующему своему отвѣту. Подъ вліяніемъ героевъ Выговскаго и Мазепы съ товарищи, или лучше сказать той смуты, руководителями которой явились они, у малороссійской интеллигенціи явилось стремленіе къ сохраненію какихъ-то «своенародныхъ правъ», которыхъ впрочемъ во времена Богдана Хмельницкаго никто не зналъ; когда же весь малороссійскій народъ узналъ объ этихъ правахъ и понялъ ихъ сущность, то отнесся къ нимъ съ страшною ненавистью. Но было уже поздно: «извращеніе исторической дѣйствительности» (слова г. Костомарова) получило право гражданства. Старшина, вышколенная Выговскимъ съ товарищи, толкуя о Статьяхъ Богдана Хмельниц-

каго (подлинника которыхъ не могъ отыскать даже самъ Петръ Великій), начала говорить въ своихъ требованіяхъ именемъ всего непричастнаго къ тому народа.—«Порывы мѣстнаго національнаго духа», въ видѣ наклонности Старшины давить народъ ничѣмъ не регулированнымъ крѣпостнымъ правомъ, правительство дѣйствительно было принуждено «заглушать.» «Давленіе сліянія Малороссіи съ Великою Русью» стало являться особенно часто послѣ Мазепы; но оно выражалось всегда стремленіемъ того же правительства къ точному опредѣленію отношеній Старшины къ народу и въ желаніи, чтобы казачество было равнымъ членомъ всѣмъ остальнымъ частямъ малороссійскаго народа, а не лежало бы на немъ какимъ-то кошемаромъ. Результатомъ всего этого «давленія» было такое дѣло, къ которому народъ отнесся очень равнодушно, именно уничтоженіе гетманства, какъ знамени господства военной дружины надъ мирнымъ населеніемъ. Но Старшина и всѣ ей сочуствующіе не могли простить правительству такого поступка, и, поднявши крикъ о нарушеніи «своенародныхъ правъ», сочинили «Исторію Руссовъ». Во времена Мазепы и Полуботка принципы сего почтеннаго сочиненія были уже господствующими среди малороссійской интеллигенціи. Отъ вліянія ихъ конечно не могъ устраниться и Величко и кой-что изъ нихъ занесъ въ свою лѣтопись. Историкъ же, въ настоящее время распространяющій, безъ всякихъ объясненій, ложныя мнѣнія всѣхъ этихъ давно умершихъ дѣятелей, покажетъ въ своихъ сочиненіяхъ только то, какъ твердо держатся историческія преданія въ извѣст-

ныхъ слояхъ общества, но въ замѣнъ этого онъ теряетъ право говорить, что его будто бы интересуетъ научная правда.

Третье замѣчаніе г. Костомарова относится къ моему указанію на то, что онъ не воспользовался, для третьяго изданія «Богдана Хмельницкаго», малороссійскими Дѣлами архива министерства юстиціи. Г. Костомаровъ на это отвѣчаетъ, что просмотрѣвши всѣ эти Дѣла, не встрѣтилъ въ нихъ ничего важнаго для монографіи о Богданѣ Хмельницкомъ, и хотя тамъ есть интересныя Дѣла, напримѣръ о самозванцѣ Тимошкѣ Анкудиновѣ, но этими Дѣлами онъ занимался «совсѣмъ для другой цѣли». Разсказывать содержаніе столбцевъ (по мимо двухъ столбцевъ о Тимошкѣ Анкундиновѣ) малороссійскихъ Дѣлъ архива юстиціи, для доказательства ихъ важности, я не считаю теперь себя обязаннымъ: пусть ужь самъ г. Костомаровъ дѣйствительно ихъ просмотритъ; кстати же они теперь всѣ мною разобраны и отчасти описаны.

Устраняя споръ о важности малороссійскихъ Дѣлъ архива юстиціи для исторіи эпохи Богдана Хмельницкаго и развивая свою мысль на тему: «да, я ими не воспользовался — и только; что же я потерялъ отъ этаго?... по моему мнѣнію эти документы только бы загромоздили мое повѣствованіе...» и т. д., въ заключеніе г. Костомаровъ говоритъ: «вообще для меня акты московскіе были важнымъ источникомъ

только съ одной стороны по прикосновенію Украйны къ московскому государству; въ томъ же, что касается собственно мѣстной жизни украинской и дѣла народной борьбы, т. е. главнаго предмета моего повѣствованія, этотъ источникъ часто оказывается очень мутнымъ». — Какіе же это источники служили г. Костомарову для исторіи мѣстной украинской жизни середины XVII вѣка? Отвѣтъ на это мы должны искать въ его сочиненіяхъ по исторіи Малороссіи: три-четыре малороссійскія лѣтописи, по времени составленія не равѣе конца XVII вѣка, недостовѣрность и тенденціозность большей части которыхъ бросается въ глаза; сборники историческихъ пѣсенъ, сочиненныхъ Богъ-знаетъ когда и притомъ попорченныхъ позднѣйшими вставками,— и только. Достовѣрные же источники, кромѣ церковныхъ, имѣютъ большею частію не малороссійское происхожденіе. Г. Костомарову желательно изобразить себя мѣстнымъ украинскимъ историкомъ; на это его притязаніе никто не посягаетъ. Но вѣдь исторія есть наука, а научная правда для всѣхъ племенъ на свѣтѣ одинакова. Кому желательно писать что нибудь дѣйствительно достовѣрное объ исторіи Малороссіи XVII вѣка, тому необходимо обратиться къ московскимъ и къ польскимъ документамъ. Московскія малороссійскія Дѣла не одно только приказное производство; въ нихъ напримѣръ находится почти вся переписка малороссійскихъ дѣятелей между собою: это такой богатый матеріалъ, сохранившійся вполнѣ, что обильнѣе его трудно себѣ представить. Г. Костомаровъ говоритъ, что «не только акты, хранящіеся

въ архивѣ юстиціи, но и тѣ, которые имъ изданы», при изложеніи имъ эпохи Хмельницкаго, часто оказывались не нужными «и не доставляли ему столько важныхъ подробностей, чтобы могли показаться читателю главными источниками повѣствованія».—Эти слова г. Костомарова о своихъ изданіяхъ по исторіи Малороссіи совершенно справедливы: эти изданія никому не могутъ показаться главнымъ источникомъ для какого либо повѣствованія. Происходитъ же это отъ самыхъ простыхъ причинъ: Акты Южной и Западной Россіи изданы такъ, что вѣроятно и самъ редакторъ въ нихъ путается; да притомъ же по нимъ прогулялась деспотическая рука какого-то невѣдомаго цензора и произвела должное очищеніе.

Что касается того, что для исторіи мѣстной украинской жизни и народной борьбы московскіе документы для г. Костомарова «часто оказываются источникомъ очень мутнымъ»,—это зависитъ отъ рода источниковъ, какой вздумаетъ брать историкъ изъ цѣлаго матеріала: въ громадномъ количествѣ дѣлъ мало ли чего не находится! При крайней подозрительности къ московскимъ источникамъ, самое большое, что можно противъ нихъ сказать, — это то, что они источники односторонніе. Но если московскіе источники считать односторонними, то польскіе, надо полагать, не менѣе односторонни. Во времена Богдана Хмельницкаго изъ Москвы къ своимъ новымъ подданнымъ и братьямъ иначе не могли относиться какъ самымъ снисходительнымъ и дружественнымъ образомъ, а въ польскихъ источникахъ мы встрѣчаемъ совершенно противуположное; можетъ быть, это послѣднее происходитъ отъ

того, что поляки лучше москвичей были знакомы съ украинскою жизнію. Но какъ бы ни были односторонни московскія малороссійскія Дѣла, однакожь неужели баснословные и нелѣпые разсказы «Исторіи о презѣльной брани» (тожъ лѣтопись Грабянки), написанной въ началѣ XVIII вѣка и служащей, какъ указано, основнымъ источникомъ для «Богдана Хмельницкаго», достовѣрнѣе статейнаго списка, въ которомъ составитель его подробно говоритъ о своемъ путешествіи черезъ Малороссію и о разговорахъ съ Богданомъ Хмельницкимъ и многими другими лицами, разговорахъ, касавшихся только мѣстной украинской жизни и дѣла народной борьбы? Или, рядъ подлинныхъ и списковъ съ подлинныхъ писемъ, принадлежащихъ участникамъ извѣстнаго событія, не имѣетъ преимущества предъ разсказомъ, хотя по большей части достовѣрной, но до крайности краткой и притомъ все-таки же лѣтописи, получившей громкое заглавіе лѣтописи Самовидца? Конечно у всякаго свой вкусъ, но должна же быть и мѣра пристрастію.

Четвертое возраженіе г. Костомарова относится къ тому, что я въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги и главнымъ образомъ на 14 страницѣ говорю, что «Исторія Россіи», соч. С. М. Соловьева, не причисляется г. Костомаровымъ къ числу источниковъ для его Богдана Хмельницкаго; а это сочиненіе написано по достовѣрнымъ документамъ и заключаетъ въ себѣ много выписокъ изъ малороссійскихъ Дѣлъ, кото-

рыхъ не встрѣчаемъ у г. Костомарова. Г. Костомаровъ на это отвѣчаетъ: «всякій другой не поставилъ бы мнѣ этого въ вину, потому что легко бы могъ понять, отъ чего это происходитъ. Вообще въ числѣ источниковъ я помѣщалъ только такія сочиненія, которыя мнѣ сообщали свѣдѣнія первичныя,.... по чѣмъ пользовался авторъ «Исторіи Россіи» объ эпохѣ Хмельницкаго, тѣмъ могъ пользоваться и я».— Г. Костомаровъ конечно могъ пользоваться тѣми же источниками, которыми пользовался и авторъ «Исторіи Россіи,» но онъ или оставлялъ ихъ совершенно безъ вниманія, или совсѣмъ не пользовался ими, не пользовался даже и тогда, когда цѣль, съ которою онъ писалъ свою монографію, совершенно сходилась съ цѣлями, преслѣдуемыми въ «Исторіи Россіи». На основаніи этихъ-то причинъ я и сдѣлалъ вышеприведенное замѣчаніе и по этому полагаю, что только одинъ г. Костомаровъ (перефразирую его слова) могъ поставить мнѣ въ вину такое указаніе; онъ, если бы захотѣлъ, то легко бы понялъ, что не только я, но и всякій другой, смотрящій на дѣло безъ предубѣжденія, скажетъ объ его отношеніяхъ къ достовѣрнымъ источникамъ (или вмѣсто этого къ сочиненіямъ по нимъ написаннымъ) тоже самое, что и мною сказано. Тѣмъ болѣе всякій это скажетъ, что слѣдующее за симъ объясненіе г. Костомарова показываетъ ясно, что когда приходится ему пользоваться архивными Дѣлами, онъ руководствуется въ опредѣленіи важности ихъ ссылками, въ «Исторіи Россіи» находящимися.

Это объясненіе составляетъ пятое и послѣднее возраженіе г. Костомарова на мою книгу. Я въ своей книгѣ указалъ одинъ курьезъ, случившійся съ г. Костомаровымъ. Этотъ курьезъ не важный самъ по себѣ впрочемъ характеризуетъ небрежное отношеніе г. Костомарова къ редактируемымъ имъ Актамъ Южной и Западной Россіи. Дѣло заключается въ томъ, что статейный списокъ Ладыженскаго, важность котораго призналъ и самъ г. Костомаровъ въ своей статьѣ о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго, онъ просмотрѣлъ въ общихъ ссылкахъ «Исторіи Россіи» и объявилъ въ примѣчаніи, что этого статейнаго списка, которымъ пользовался С. М. Соловьевъ, не отыскалъ онъ въ Дѣлахъ малороссійскаго приказа (Дѣла малороссійскаго приказа находятся какъ въ архивѣ иностранныхъ Дѣлъ, такъ и въ архивѣ юстиціи). Казалось, за что тутъ сердиться на мое указаніе: случился просмотръ, и только,—«на всякаго мудреца довольно простоты». Нѣтъ, г. Костомаровъ и въ такомъ ничтожномъ дѣлѣ не хочетъ допустить возможности сомнѣнія въ его непогрѣшимости; онъ мало того что старается доказать свою правоту, но, вѣроятно для подтвержденія ея, начинаетъ еще браниться.

Мы же, оставя въ сторонѣ эту брань и всякія ей подобныя выходки г. Костомарова, обратимся къ дѣлу. Я въ своей книгѣ только небрежностію и промахомъ объяснялъ то, что случилось съ г. Костомаровымъ относительно статейнаго списка Ладыженскаго. Что можетъ быть проще этого: въ историческомъ сочиненіи сдѣлана общая ссылка на три источника; желающій отыскать подлинные до-

кументы, выписки изъ которыхъ помѣщены подъ этой ссылкой, взглянувши въ первый и третій источникъ и не находя тамъ всего, чего ищетъ, естественно долженъ взглянуть и во второй. Если ни въ одномъ изъ указанныхъ въ ссылкѣ источниковъ нѣтъ выписанныхъ въ текстѣ документовъ, то подобную ссылку можно назвать фальшивою; да и при такомъ случаѣ подобныя замѣчанія нужно дѣлать поосторожнѣе. Г. же Костомаровъ, взглянувши по указанію ссылки «Исторіи Россіи» въ два источника и пропустивши третій, написалъ вышеуказанное свое примѣчаніе. Не признавая за собою возможности даже промаха, онъ въ своемъ отвѣтѣ оправдывается тѣмъ, что ссылку «Исторіи Россіи» можно будто бы объяснять различно: «скорѣе можно думать, что указаніе въ ней на архивъ юстиціи (гдѣ находится статейный списокъ Ладыженскаго) относится къ какой нибудь второстепенной чертѣ» разсказа. Но къ чему тутъ думать, когда дѣло такъ просто: историкъ ссылается въ числѣ другихъ источниковъ и на Дѣла архива юстиціи,—ясно, что слѣдуетъ и эти Дѣла просмотрѣть. Нѣтъ, г. Костомаровъ стоитъ на своемъ; онъ говоритъ: «въ текстѣ «Исторіи Россіи» (противъ ссылки) статейный списокъ Ладыженскаго занимаетъ переднее и главное по важности мѣсто; да и по самому содержанію документа ему подобало быть въ архивѣ министерства иностранныхъ Дѣлъ, а не юстиціи.... и я не предполагалъ въ столбцахъ послѣдняго найти этотъ важный документъ». Опять повторю, что нечего предполагать: выписки изъ документовъ могутъ въ текстѣ размѣщаться разнообразно; для отысканія подлин-

ныхъ документовъ по ссылкѣ слѣдуетъ ее всецѣло провѣрить. Если же этого не дѣлать, а только предполагать, то можно додуматься до того, что тому или другому документу будто бы по содержанію подобаетъ быть въ такомъ архивѣ, въ которомъ его никогда и не бывало. Г. Костомарову вѣроятно извѣстно, что архивъ министерства юстиціи старыхъ дѣлъ есть мѣсто храненія всякихъ дѣлъ (а не только относящихся до юстиціи) многихъ прежде бывшихъ государственныхъ учрежденій.

Далѣе г. Костомаровъ говоритъ, что не найдя статейнаго списка Ладыженскаго въ имѣвшихся у него подъ руками дѣлахъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ еще не могъ предполагать, что въ этомъ архивѣ его нѣтъ, потому что «развѣ не могли быть какія нибудь особенныя свои причины, по которымъ не сочтено было удобнымъ удѣлить его мнѣ?» — Интересно было бы узнать, въ чемъ бы могли заключаться эти «особенныя причины.»—Наконецъ послѣднее объясненіе г. Костомарова о статейномъ спискѣ Ладыженскаго еще болѣе замѣчательно чѣмъ предъидущее: въ то время, когда онъ составлялъ статью о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго, по своимъ обстоятельствамъ онъ «*не могъ пользоваться архивомъ юстиціи*, которымъ отчасти пользовался прежде».—Отвѣчать на это приходится тѣмъ, что г. Костомаровъ вѣроятно забылъ свои собственныя слова, находящіяся въ общей ссылкѣ подъ статьей о гетманствѣ Юрія Хмельницкаго; тамъ сказано: „*авторъ* для составленія ея *пользуется главнымъ образомъ дѣлами* бывшаго малороссійскаго приказа, *хранящимися* въ архивѣ ино-

странныхъ Дѣлъ и *въ архивѣ старыхъ Дѣлъ министерства юстиціи*. Эти дѣла состоятъ изъ столбцевъ» и т. д.

Объясненіемъ ссылокъ «Исторіи Россіи» заканчивается отвѣтъ г. Костомарова на мою книгу, и я, разъяснивъ смыслъ его возраженій, оканчиваю свой отвѣтъ. Прибавлю ко всему уже сказанному только то, что г. Костомаровъ, какъ видно, не считалъ необходимымъ обстоятельно возражать даже и на тѣ изъ моихъ замѣчаній, которыхъ онъ коснулся. Цѣль его отвѣта кажется ясна: во первыхъ, не обращая вниманія на сущность предмета, голословно, съ высоты своего величія, «отдѣлать» дерзкаго не прошеннаго критика; во вторыхъ, почему-то онъ нашелъ нужнымъ «отписаться». Въ виду всего этого считаю долгомъ сказать, что о сочиненіяхъ и изданіяхъ г. Костомарова по исторіи Малороссіи остаюсь при своемъ мнѣніи, высказанномъ уже въ моей книгѣ. Всѣ же вообще положенія моей книги я надѣюсь подтвердить болѣе обширнымъ трудомъ по исторіи Малороссіи, къ которому она служитъ только введеніемъ.

